

Изучение мифологического дискурса как целостной единицы художественного моделирования является актуальным направлением современной когнитивной поэтики. Существующая противоречивость в определении мифа связана со сложностью и многоплановостью этой категории. Для полного описания функциональных признаков мифа необходимо обозначить направления гуманитарной науки, анализирующие этот феномен в различных аспектах.

Можно выделить несколько подходов к исследованию сущности мифа:

- в рамках классической философии и психоанализа миф рассматривается как символическая система, построенная на архетипах сознания;
- феноменология и структурализм определяют миф как текст, связанный с широким интертекстуальным полем, как самый частотный прецедентный текст;
- миф как моделирующую систему наряду с другими вторичными по отношению к естественному языку метаязыками репрезентирует тартуская семиотическая школа;
- современная когнитивная лингвистика и лингвокультурология обозначают миф как язык и как разновидность конвенционального стереотипа мышления.

Цель данной работы – дать определение мифу, проанализировав дискурсивную стратегию мифа на материале поэзии Ю. Кузнецова.

Большинство исследователей склоняется к мысли о том, что мифологическая модель мира актуальна для сознания современного человека, национальной культуры и языка. Отправной точкой размышлений о природе и статусе мифа в культуре XX века служит философское понимание этого понятия, так как «глубинное и всеобъемлющее проникновение в структуру мифологии в целом и каждой конкретной мифологемы в частности дает основания представить миф как реальность не только с позиции «дикаря», но и с позиции философского осмысления» [5, с. 25].

Думается, что прежде всего необходимо рассматривать миф как конкретно-образный способ мышления, то есть мифологическое мышление, которое сопоставимо с современным [1] и имеет общие с ним черты: установление причинно-следственных связей между объектами, построение классификаций на основе логических и семантических оппозиций, когнитивные модели восприятия действительности и социума. Отличительными являются качественные признаки современного мышления, которое характеризуется большей степенью абстрагирования, а не сами ментальные процессы.

Мифологическая картина (модель) мира лежит в основе семантики других вторичных моделирующих систем, в том числе и литературы. Следовательно, существуют общие закономерности мифологического мышления, которые могут реконструироваться в современном художественном тексте и выступать мифопорождающей моделью.

Феноменологический подход, определяющий миф как текст в тексте, который строится из фрагментов, сюжетных линий, образов, метафор другого текста, тем самым акцентирует внимание на особенностях мышления автора, выраженных в выборе вербальных средств репрезентации смыслов и ориентированных на архетипы реципиента. Под архетипами понимаем устойчивые когнитивные структуры, которые, повторяясь в культуре, откладываются и сохраняются в сознании человека.

При этом особую значимость приобретает лингво-коммуникативный аспект мифа. Художественный текст, в том числе и современный миф, репрезентируемый в литературе, становится коммуникативным явлением, так как представляет собой диалог автора с читателем [4].

Это позволяет рассматривать миф как дискурс, используя широкое определение, которое учитывает взаимообусловленность смыслопорождающей формы и функций мифа, его принадлежность к современной социокультурной ситуации, его идеологическую наполненность [3, с. 118]. Таким образом, в мифе реализуется интеракционная модель коммуникации, предполагающая сильную ситуативную обусловленность, что выражается в использовании широкого культурного контекста, в актуализации социальных стереотипов, в философской направленности текста.

Мы анализируем миф на материале поэзии Юрия Кузнецова, так как ее мифологизм убедительно доказан многочисленными исследователями. Необходимо отметить, что мифопорождение выступает одним из проявлений поэтического мышления Ю. Кузнецова, творчество которого можно отнести к мифо – модернизму. Мифологическая реальность репрезентируется автором как действительный мир. Сознательно избранная форма мифа позволяет автору эксплицитно культурно значимые семы значений и тем самым творить собственный миф, наполненный новыми коннотациями.

В мифологическом дискурсе Ю. Кузнецова коммуникативными свойствами обладают социально и культурно маркированные образы. Например, урбанистический символ трамвая (стихотворение «Кольцо») как зрительно воспринимаемый символ вечного движения по замкнутому маршруту, по кругу является сакральным в мифологической модели мира. Современным же сознанием воспринимается в качестве обычного средства передвижения, утрачивает трансцендентный характер.

КОЛЬЦО

Вспомни старый трамвай! Среди лязга и пыли
Он летел по кольцу – колесо в колесо.
Ты сходил, он сходил, вы куда-то сходили,
Вы трамвайной судьбы размыкали кольцо.

Вы клубились по жизни, теряя друг друга,
Рты и души кривила вам ярость борьбы.
Но остался один, не сорвавшийся с круга,
Не постигший разогнутых линий судьбы.

Каждый день, каждый час вы сменяли друг друга.
Вот твоя остановка. Приехал, вставай!
Показалось, что не было жизни вне круга,
Человеку, водившему этот трамвай.
Показалось, что в мире всегда он пребудет,
Этот замкнутый путь, этот бег без конца.
Но трамвай изломался, стал пылью. А люди
И не знали о том человеке кольца.

Между тем говорили, что каждое утро
Где-то в городе кружится некий старик.
Остановится, пальцем поманит – как будто
Что-то хочет сказать, изо рта только скрип.

И нелепым волчком он упал среди улиц,
Притворился ли мертвым иль кончил свой век?
Но его башмаки на ногах шевельнулись,
Поднялись и продолжили прерванный бег.

Башмаки! В эту чушь ни один не поверил,
Самый храбрый слегка изменился в лице.
Башмаки? Подтащил башмаки и примерил
И пошел против воли метаться в кольцо.

Ты кричала, любовь! Он тебя не услышал.
Неизменному другу не подал руки.
Растворился, исчез, но из круга не вышел.
И продолжили дьявольский бег башмаки. (1968 г.)

В этом тексте описывается типичное действие для мироздания Кузнецова – автоматическое движение по кругу. В стихотворении мы выделяем ассоциативно-семантический комплекс «кольцо – башмаки – старик».

На коммуникацию направлена система вербальных репрезентантов мифологического дискурса, которая актуализирует компоненты доминантного авторского смысла. Лексемы кольцо, колесо, круг актуализируют номинативное значение кольцо – «то, что имеет форму окружности». Инверсионный порядок слов в синтагме «судьбы размыкали кольцо» акцентирует внимание на лексеме судьба, выделяя ее как динамико-смысловой центр предложения. Метафора «кольцо судьбы» конденсирует эстетическое значение слова «кольцо» – 'имеющее судьбоносное значение'.

Хранение мифологического текста о вселенной в языковом сознании автора и читателя объясняется существованием в языке устойчивых словосочетаний (замкнутый путь, бег без конца, трамвайное кольцо), ассоциативно связанных в сознании человека с константными для русской культуры образами. Ассоциативно-семантическое осложнение подобных словосочетаний, возникающее в результате воздействия различных видов контекста (ситуативного в первую очередь), зависит от своеобразия авторской картины мира. Например, типовая ситуация поездки на трамвае, описанная в стихотворении, актуализирует прежде всего номинативное значение лексемы кольцо «конечный пункт трамвайного маршрута (обычно с поворотным кругом для следования в обратном направлении)».

В семантической структуре значений таких слов культурный компонент имеет статус потенциальной семы и является частью коннотации. Так, яйцо, круг в различных мифологиях выступают в качестве символа вечности. Процесс фокусирования единого лексико-семантического поля с семой 'кольцо' активизирован следующими приемами: значение слова «замкнутый» – соединенный концами; смыкающийся, не имеющий выхода, усиливается номинативным значением лексемы кольцо, тем самым актуализируя сему 'не имеющий выхода'. В результате возникает окказиональная метафорическая сема 'бег по замкнутому кругу'. Номинативные и эстетические значения слова кольцо ('имеющее судьбоносное значение', 'бег по замкнутому кругу') конденсируют образ кольца как символа вечного неизбежного движения.

Контаминация кольца как символа вечного движения и семантического ядра мифа порождает индивидуально-авторский креационный миф о трамвайном кольце, которое является моделью мифологической бесконечности.

Конструкт 'башмаки – символ вечного движения по кругу' оформляется словесно-ассоциативной метафорой «его башмаки шевельнулись» и приобретает авторское сознание 'связанные с трамвайным кольцом'. Такой оригинальный прием, как парцелляция внутри циклической структуры, служит катализатором процесса символизации (Но его башмаки на ногах шевельнулись, /Поднялись и продолжили прерванный бег. /Башмаки!.../ Башмаки?.../ И продолжили дьявольский бег башмаки). Олицетворение (шевельнулись, поднялись, продолжили) усиливает сему 'движение'. Циклическая параллельная структура («и продолжили прерванный бег – и продолжили дьявольский бег») создает эстетическое значение 'не отпускаящий из круга'. Значение

конденсується словесно-асоціативною метонимією «дьявольський бег», яка підказує вихідний імпульс-фразеологізм «черт водить по колу». Контамінація естетичного та номінативного значень слова «башмаки» призводить до формування символічного значення (символ вічного руху). Перед нами виражається архетип космогонічного міфу про вічність всесвіту, про неминучість циклічного руху.

Міф у поезії Ю. Кузнецова виявляється пов'язаним з соціальною репрезентацією. Використовуючи загальноязыкові значення, які становлять ядро лексичної системи, міфологічний дискурс породжує асоціативно-семантичні, а потім і ментальні зв'язки між словами та образами. Ці зв'язки сприймаються при умові належності автора та читачів до єдиного культурного простору. Необхідною стає адекватна інтерпретація тексту, яка вимагає знання передісторичного контексту, передбачає інтертекстуальну компетентність реципієнта.

Таким чином, сучасний міф – це дискурс, який є цілісною комунікативною одиницею, адресованою читачеві та спрямованою на адекватну інтерпретацію реципієнтом.

Источники и литература

1. Клик Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. – М.: Прогресс, 1983. – 302 с.
2. Кузнецов Ю. Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1990. – 351 с.
3. Макаров М. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
4. Пищальникова В. А. Проблемы идеостиля: Психолингвистический аспект. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1992. – 746 с.
5. Складарская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.

Рижко С. С.

СЕМАНТИЧНА МОТИВАЦІЯ НАЗВ ПРОФЕСІЙ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ТА АНГЛІЙСЬКІЙ МОВАХ

В умовах загальної світової тенденції до глобалізації та інтеграції, прагнень України стати повноправним членом Європейського союзу, приєднатися до найбільших світових організацій, де мовою міжнародного спілкування є англійська, все більшої актуальності набуває зіставний аналіз номінативних систем сучасної української та англійської мов.

Національна специфіка певної мови виявляється не тільки у слові, але й у системних відношеннях лексики [9, с. 17]. Зіставлення на рівні системи дозволяє виявити універсальні, спільні та специфічні риси в мовних картинах світу різних народів. Різновидом системних відношень лексики є мотиваційні відношення.

Мотивологія вдало поєднує низку принципів сучасної наукової парадигми: антропоцентризм, системність, функціоналізм та динамізм. Антропоцентричними є усі вихідні поняття мотивології, оскільки вони пов'язані з метамовною свідомістю мовця: мотивованість – властивість слова, зв'язок звучання й значення якого взаємообумовлений; внутрішня форма слова – морфо-семантична структура слова, що дозволяє пояснити взаємообумовленість його звучання й значення; мотиваційні відношення слів – вид лексичного зв'язку, який виявляє мотивованість лексичних одиниць [3, с. 65-66].

Зіставна мотивологія є наукою, що вивчає лексичну систему двох або більше мов (або форм однієї мови) з точки зору мотивованості шляхом їхнього зіставлення. Зіставні дослідження не обмежуються виявленням відмінностей, так само суттєвим є й опис спільного. Одним з ключових аналізів лексичного матеріалу в межах зіставної мотивології є мотиваційно-зіставний аналіз (МЗА), важливим аспектом якого є аналіз мотивуючих ознак (МО) досліджуваних мов [7, с. 68-69]. МО розуміють як « безпосередньо або опосередковано виражену в слові номінативну ознаку позначуваного» [2, с. 37]. Мотивуючі ознаки можуть відображати як суттєві, так і несуттєві властивості предметів.

Наразі в сучасній лінгвістичній науці з позиції теорії мотивації проведено низку зіставних досліджень окремих тематичних груп російської мови з аналогічними тематичними групами польської й української мов Аділова А. Д. [1], французької мови Козлова І. Є. [5] та англійської мови Філатова А. С. [8].

Метою статті є вивчення мотивованих найменувань професій з точки зору виявлення в їхній семантичній структурі мотиваційних ознак для розкриття специфіки їхнього набору в сучасній українській та англійській мовах.

Об'єктом дослідження виступають 773 найменувань професій у сучасній українській мові та 667 відповідних найменувань у сучасній англійській мові.

Предметом вивчення є особливості семантичної вмотивованості назв професій у сучасній українській та англійській мовах.

Семантична вмотивованість – результат мотивації слова спільнокореневою лексичною одиницею з реалізацією у слові мотивуючої ознаки позначуваного, тобто тієї реальної ознаки предмета, яка покладена в основу його найменування [4: 31-32]. Аналіз фактичного матеріалу дозволив виділити низку лексико-тематичних груп назв професій у сучасній українській і англійській мовах.

Таблиця 1

Мотивуючі ознаки найменувань професій у сучасній українській та англійській мовах

№	Мотивуюча ознака	Англійська мова		Українська мова	
		Кількість од.	%	Кількість од.	%
1	Дія	314	46,2	169	21,7
2	Об'єкт + Дія	141	20,7	0	0